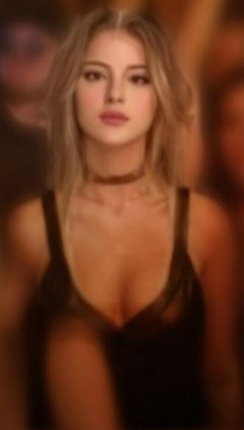

ФАНАТКА

МИХАИЛ БУРЛЯШ

Михаил Бурляш

Фанатка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551472
SelfPub; 2023*

Аннотация

Кумиры, выходящие к публике в мишуре и сверкающем одеянии, кажутся из зала небожителями. Однако яркие огни сцены не только ослепляют, но и больно обжигают. Слава и популярность часто вырастают из предательства, а за успех приходится расплачиваться счастьем и самой жизнью. Самые обычные человеческие страсти способны скинуть с пьедестала любого, даже "звёзду" первой величины...

Содержание

Лазоревая шаль	4
Фанатка	9
Все дороги ведут в Рим	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Бурляш

Фанатка

Кумиры, выходящие к публике в мишуре и сверкающем одеянии, кажутся из зала небожителями. Однако яркие огни сцены не только ослепляют, но и больно обжигают. Слава и популярность часто вырастают из предательства, а за успех приходится расплачиваться счастьем и самой жизнью.

Самые обычные человеческие страсти способны скинуть с пьедестала любого, даже "звезду" первой величины...

Лазоревая шаль

Приехав в небольшой городок на Волге, я отправился на набережную. Погода была слякотная, но вдоль воды прогуливалась странная пожилая женщина с пачкой зеленых школьных тетрадок в руках. Она зябко куталась в выцветшую лазоревую шаль и с тоской смотрела на реку. "Городская сумасшедшая", подумал я. Местные жители рассказали мне её историю.

Случилось это лет тридцать назад.

В городке, надвое разделенном великой русской рекой, жил симпатичный паренёк по имени Евгений. Он был насто-

ящим поэтом, талантливым, романтическим, восторженным. Однажды, в начале восьмидесятых он увидел по телевизору набиравшую популярность певицу и влюбился. Буквально заболел ею.

Он стал писать ей стихи. Красивые и совсем не советские. Про свободу и любовь. Про перекрёстки миров. Про скалы, с которых можно упасть вверх, если очень захотеть.

Писал и отправлял на телевидение. Пачками. Больше отправлять было некуда.

Однажды случилось то чудо, о котором мы все мечтаем в юности, но которое никогда не случается. Одна сентиментальная редакторша передала письма Жени восходящей Звезде.

И та в минуту скуки открыла один из конвертов. Открыла и ...залипла. В конверте были невероятные стихи, с неожиданными образами, волшебные и певучие... Певица показала стих знакомому композитору, и тот практически на следующий день написал к нему музыку.

За поэтом послали оказию. Юный, неиспорченный, влюбленный он предстал перед своим божеством, перед почти мифической женщиной, которая стала для него всем за последний год.

Бедный Женя. Он не думал тогда ни о чем, кроме своей любви. Очень скоро он стал любовником роковой звезды и просто парил от счастья, не желая думать ни о чём. Слепленный любовью он писал своей звезде всё новые и новые

стихи, которые возносили её на очередную высоту народной любви.

Звезда была очень хороша собой, возраст и житейские передряги совсем не отражались на её красоте и ослепительной улыбке. Однако под маской ангела пряталась циничная стерва, нежным голосом проповедующая со сцены вечную любовь.

С год она продержала парня при себе. Таскала с собой по гастролям, по тусовкам как карманного пса. Наряжала, гладила за ушком, хвалилась личным поэтом, который пишет для неё хит за хитом.

Но всё когда-нибудь кончается.

Он надоел ей. Она вышла из комнаты в гостинице южного города, сказав: "*Жди, я скоро*", и улетела с бывшим любовником в Италию, напрочь забыв, что "карманный поэт" ждет её как преданный пёс, там, где она его оставила.

Он прождал её в номере двое суток, потом его выгнали... Через месяц, исхудавший и полубезумный он добрался до Москвы и с неделю жил в подъезде Звезды, ожидая её возвращения с очередных гастролей...

Да, парень был не от мира сего. Смертельно, неизлечимо влюбленный поэт. В обычной жизни он был как ребенок: не знал, сколько стоит буханка хлеба или билет на трамвай. Звезда ему даже карманных денег не давала. А зачем? Он был у неё на полном содержании, еще и с доступом к телу. А то, что поэты-песенники, пишущие для звезд эстрады, по-

лучают хорошие гонорары, ему знать было не обязательно.

Она вернулась. Впустила его в дом, накормила, пожалела. А на следующий день отправила домой. " Ты уже взрослый мальчик, Жека", – сказала она на прощанье. "Забудь меня и живи своей жизнью. За стихи тебе большое спасибо, но у меня теперь новый автор. Мне надо меняться, двигаться дальше, и мне больше некогда тебя нянчить. А это – подарок для твоей мамы, от меня", – чтобы как-то сгладить удар, она сунула ему в руки пакет с шикарной голубой шалью, которую ей на днях подарил посол Индии на каком-то неофициальном приёме.

Женя вернулся в родной городок. Вернулся помешавшимся, как будто не в себе. Каждый день он часами ходил по набережной, кидал камушки в Волгу и писал, что-то лихорадочно писал в своих старых школьных тетрадках. А через пару месяцев ...утонул. Странно для парня, который вырос в городе на реке, не правда ли?

Звезда до сих пор блистает на музыкальном Олимпе. Она так и осталась девушкой вне возраста. И на своих концертах нет-нет, да исполняет старые хиты, написанные для неё влюбленным мальчиком-поэтом.

И только мама несчастного парня до сих пор хранит пожелтевшие листы со стихами, которые он писал в последние дни своей короткой жизни.

...Если вы когда-нибудь увидите на набережной Волги странную пожилую женщину с пачкой зеленых школьных

тетрадок в руках, которая кутается в выцветшую лазоревую шаль даже в самый жаркий день – знайте, это Женина мама.

Старые тетрадки и выцветшая шаль с плеча «королевы эстрады» – все, что у нее осталось от сына.

Фанатка

Расскажу вам одну историю.

Было это в 1990-м. В городок, где я жил, приехала безумно популярная тогда музыкальная группа. Дело было в конце августа. Теплые дни, теплые ночи, красивые звёзды – последние усмешки лета перед осенью.

Младшая сестра моей тогдашней подружки Настя была безумно влюблена в одного из солистов этой (в общем-то попсовой) музыкальной группы. От сестры то я и знал все подробности этой безнадёжной и сумасшедшей любви, которая накрыла её накануне школьного выпускного года в школе.

Это было обыкновенное подростковое помешательство. Все стены в её комнатке были оклеены плакатами и вырезками. Сотовых телефонов, принтеров и компьютеров тогда не было, поэтому она вручную делала всякие коллажи: вырезала свои фото и клеивала на плакаты рядом со своим возлюбленным. Она каждую неделю писала ему письма (ума не приложу, на какой адрес) и, конечно, когда постеры с его (в том числе) изображением появились на афишных тумбах нашего города, она просто сошла с ума.

Всего было запланировано два концерта, вечером пятницы и днём субботы. Афиши появились за месяц и за это короткое время Настя успела совершить невероятное. Во-первых, купила билеты в первый ряд на оба концерта (эх, я

лично одолжил ей денег на билеты, о чем не раз уже пожалел), во-вторых, устроилась подрабатывать маляром в частную бригаду на месяц. Зарплату там выдавали раз в неделю, и Настя за это время неплохо приделась. Она купила длинный бальный сарафан в магазине свадебных платьев и стильную косуху у местных байкеров. Помню, тогда в кинотеатрах только прошёл фильм "Авария – дочь мента", и девчонки помешались на кожаных курточках как у героини фильма. Настя выпросила у сестры стильные туфельки, косметику и ждала приезда своего кумира во всеоружии.

И вот настал вечер первого концерта. Как только публику начали впускать в местный ледовый дворец, Настя впорхнула в зал одной из первых. Красивая и яркая девочка в косметике и косухе выглядела старше своих 16-лет.

Начался концерт, и Настя погрузилась в песни как в другой мир. Она пожирала глазами своего кумира и подпевала всем его песням! А во время её любимой композиции, в которой он пел про расставание с невестой перед свадьбой, решила проявить свои чувства – вскочила с места, сделал шаг к сцене, запустив обе ладони в свою сумочку, и ...кинула в певца две пригоршни лепестков роз, одну за другой.

Возможно, сегодня это никого бы не удивило. Но тогда, в конце 80-х в небольшом провинциальном городе это выглядело каким-то голливудом.

Исполнитель навел резкость на девочку в бальной юбке, осыпавшей его лепестками, и подал ей руку. Не колеблясь ни долю секунды, она протянула свою, и он втащил её на сцену

под аплодисменты и вопли зала. Целый припев они танцевали на сцене в свете прожекторов. В проигрыше он проводил её до места, поцеловал ручку и шепнул на ухо: "Жди после концерта у служебного входа".

"Авария" для многих стала символом перехода в 90-е...

(коллаж автора)

Она, конечно же, ждала. И хотя девчонок у заветной двери было много, он сразу подошел к ней. Уставший, выжатый, какой-то не звездный.

Её имя он спросил только в такси. Как и на чём уехали остальные музыканты, Настя не обратила внимание. Главное, что она была со своим кумиром, с тем, кем практически бредила с 15-ти лет. Рядом с ним она как-то оробела и только молча улыбалась. Но её сердце стучало как будто она бежала марафон.

Они приехали в гостиницу, он заказал себе отбивную и пиво, ей шампанское и фрукты прямо в номер и после короткого ужина пригласил в постель. Без всяких там романтических бесед и прочих телячьих нежностей. Опытный взгляд отметил бы, что прозаичность и некая даже шаблонность его действий выдаёт привычку. Но Насте всё казалось волшебством и сказкой, ожившей мечтой и сном наяву. Разве не об этом она мечтала? Было страшно и в то же время естественно, как будто всё так и должно быть.

В постели выяснилось, что Настя совсем не такая взрослая, как выглядит. Парня это не остановило, но обороты он слегка сбавил...

После всего Настя, наконец, разговорилась. И рассказала задрёмывающему певцу, как почти год писала ему письма – то в редакцию музыкальных программ ЦТ, то почему-то в Союзконцерт. Как месяц красила чужие стены и заборы,

чтобы заработать на косуху и платье, а также вернуть деньги за билеты на концерт. Как оборвала сегодня на даче все лепестки с роз, пока мама собирала сливы. И как, наверное, мама удивится, когда увидит, что все розы стали "лысые".

– *А знаешь, у меня ещё остались лепестки в сумочке!* – вдруг радостно воскликнула она и вскочила с постели. Её не смущало ни то, что она голышом, ни то, что между ними произошло. Она пребывала в эйфории и не думала – ни про завтрашний день, ни про то, что мама наверняка сходит с ума.

Глядя на то, как Настя сыпет на него слегка увядшие лепестки, певец ощутил лёгкое беспокойство. Сколько лет этой болтушке с детскими замашками?

– *Ты ведь заберешь меня с собой, правда?* – вдруг спросила она, присев рядом с ним на засыпанную розами гостиничную кровать.

– *Заберешь?*

Он поморщился, как от зубной боли. Взрослые тёти такой вопрос не задавали, а вот восторженные влюбленные девушки – через раз. И не то, чтобы он на каждом концерте заводил интрижки, но время от времени приключения случались – причем, далеко не всегда по его инициативе.

В этот раз он, конечно, влип. Взрослый дядька, а связался с малолеткой. А в том, что она малолетка у него практически не осталось сомнений.

– *Сколько тебе лет, Настя?* – спросил он, присев на кро-

вати.

– Шестнадцать, – беспечно ответила Настя. – Но уже совсем скоро 17 будет, на Новый год.

– Ты ещё в школе учишься? – уточнил он.

– Да, последний год остался, – она задумалась, – но это ведь неважно, правда?

– Важно, Настя, – он сделал серьезное лицо.

– Тебе надо закончить школу, поступить в институт, дождаться 18 лет. И тогда...

– Что тогда? Мы будем вместе?

– Возможно, – он не любил врать, но и рубить правду не хотелось. – Давай я вызову такси и провожу тебя домой, твоя мама, наверное, не спит, переживает, почти два часа ночи уже.

– Как же? А мы...? А я...? А у меня ещё на завтрашний день билет, на то же место. Я думала мы вместе теперь будем... Я ведь люблю тебя, уже целый год люблю.

– Настя, я взрослый мужик, мне скоро тридцатник, – он вздохнул, собираясь с мыслями. – Ты хорошая, чистая девочка, наивная, светлая. Ты умница и молодец. То, что между нами произошло, это случайность. Если бы я сразу знал, что тебе 16, я бы не привел тебя сюда. Прости и пойми. Ты мне очень, очень понравилась, но тебе надо немного подрасти. Я тебе обязательно позвоню, и мы ещё поговорим. А сейчас давай собираться...

Из того, что он говорил, Настин мозг запомнил только по-

зитивную часть. А именно, что она ему понравилась и он ещё позвонит. И она тут же бросилась писать ему свой домашний телефон на каких-то клочках бумаги, которые попадались ей под руку. Пока он вызывал такси и одевался, она успела написать номер несколько раз. А один клочок даже сунула ему во внутренний карман пиджонского бежевого пиджака.

Дома её ждал скандал, но разве это что-то значило? Вечером следующего дня она опять сидела на своём месте у сцены, только вместо юбки на ней были узкие джинсы. Он нашел её взглядом, когда вышел на сцену, махнул рукой, и она вспыхнула от счастья. Когда программа дошла до песни про сбежавшую невесту, он жестом вызвал её на сцену, и они опять танцевали на глазах у всего зала.

Усадив её на место, он заглянул за кулисы, вернулся с большим плюшевым зайцем и подарил ей, снова поцеловав руку. Весь концерт она не сводила с него глаз, а после концерта ещё целый час простояла у служебного входа, пока старичок-вахтер не сказал ей, что артисты давно уехали. Оказалось, что они вышли через центральный вход...

Собственно, вот и вся история. Закончилась она, к сожалению, трагически.

У всех у нас случались подростковые влюбленности, чаще всего несчастные – и большинство из нас их пережили. С болью, кровью, страданием – но пережили.

Настя не справилась. Она всё ждала звонка, бросаясь к домашнему телефону первой. Рассказывала по секрету по-

друзьям о своей "большой любви", которая в её голове была взаимной. За её спиной смеялись и крутили пальцем у виска. Она забросила учёбу, разругалась с матерью и сестрой, чему я был свидетелем. Ей казалось, что её никто не понимает, что весь мир против неё. А он всё не звонил и не звонил.

И вдруг, в конце ноября в какой-то музыкальной программе её кумира показали с малоизвестной начинающей певицей, которую он прямо в эфире назвал невестой. Передачу увидела одноклассница, которая тут же позвонила Насте. Настя сначала не поверила – *"вы все мне просто завидуете!"*, но в душе у неё всё заледенело. На следующее утро был повтор программы, и она не пошла в школу, чтобы посмотреть передачу лично. Всё подтвердилось – и это был ужас.

Сестра была в институте, мать на работе. Настя напилась таблеток из маминой аптечки, запила их водкой, которую в их девчачьей семье держали исключительно для растирок, и вышла на улицу. Сердце колотилось, мысли путались. Она сама не понимала, куда и зачем идёт. Шел снег и всё вокруг становилось из грязного белым, превращая улицу, город, жизнь в черно-белое кино. Взгляд зацепился за новую многоэтажку, нависающую над местным речным пляжем. Этим летом Настя пару дней красила коридоры в этом уродливом детище советской архитектуры...

Советские многоэтажки, безликие и безразличные к горю своих жильцов... (фото из интернета)

Настя вошла в подъезд и поднялась на самый верхний этаж. Люк чердака был не заперт. Ей казалось, что она смотрит на себя со стороны. Вдруг захотелось, чтобы кто-то окликнул, спросил, зачем она тут, остановил. Но никого не

было, ей не встретилось ни души. Она вышла на крышу и обвела взглядом свой город. В снежной дымке были видны лишь серые крыши близлежащих домов, мост через реку, по которому медленно катились машины и дым из труб местного промышленного гиганта.

"Серость и убожество", – подумала Настя. Её шатало и тошнило от таблеток и алкоголя. Хотелось закрыть глаза и уснуть, укутавшись в падающий снег.

–Эй ты, на крыше, давай прыгай! – вдруг закричал кто-то снизу.

Настя вздрогнула.

–Ну, чего ты там застыла, сдрейфила? Давай-давай, сигай, а мы посмотрим, – и быдлота внизу захохотала каким-то звериным тупым гоготом.

Настя наклонилась к краю крыши, чтобы посмотреть, кто кричит. Сквозь поток усиливающегося снега было почти ничего не видно. Она хотела распрямиться, но потеряла равновесие и поскользнулась. Её потянуло вниз, и она повисла на самом краю крыши, что есть силы вцепившись пальцами в бетонный бортик. Снизу ещё что-то кричали и улюлюкали, но всё её силы были направлены только на то, чтобы удержаться и вскарабкаться обратно. На долю секунды ей это почти удалось, но силы рук не хватило, и Настя сорвалась вниз...

Был последний день осени, всё сильнее шёл снег. Шёл и не таял, падая ей на лицо.

P.S.

Прошло вот уже тридцать лет с того страшного дня. Так получилось, что в какой-то момент я начал заниматься музыкой, стал писать песни и даже петь их время от времени на разных тусовках и в небольших концертах. На одной из "сборных солянок" я встретил того самого парня, из-за которого случилась вся эта история. Ему сейчас под 60, он одинокий "сбитый лётчик", который ходит по около музыкальным мероприятиям в качестве свадебного генерала. Организаторы его бесплатно кормят и поят в счет былых заслуг и обязательно дают спеть один-два старых хита. Присутствующие на мероприятии тётки роняют слёзы в водку, припоминая юность, и неистово аплодируют.

Вот так проходит земная слава...

Увидев его на сцене ресторана, где мы встретились, я вспомнил всё. Воспоминания нахлынули таким адреналиновым потоком, что пришлось выйти на улицу перекурить. Через пару минут с сигаретой появился он. Один. И я понял, что должен задать ему свой вопрос.

Он попросил зажигалку, и пока прикуривал, я сказал:

-Тридцать лет назад в городе N одна девочка кинула тебе на сцену горсть лепестков. Помнишь?

Он медленно поднял лицо и ответил:

-Настя?

-Да. Ты знаешь, что она умерла? Из-за тебя.

-Знаю, — он сделал длинную затяжку и закашлялся.

-Я раньше постоянно ждал, что кто-то подойдет ко мне и спросит про Настю. От каждого незнакомого лица шаркался. Я ведь звонил ей... Я звонил, честное слово, зимой, после нового года. Рассорился тогда со своей невестой. Прямо как в песне проклятой. Тоска какая-то накатила. Сидел в гостинице очередной провинциальной, один, после концерта. Глушь, тоска, алкоголь. Ну, ты понимаешь. Сигареты кончились. Стал искать по карманам и в пиджаке нашел записку с её телефоном. И что-то дернуло меня, дай, думаю, сыграю в капитана Грея, позвоню девчонке. Набрал этот номер. Пока код города узнал, пока дозвонился. Позовите Настю, говорю. А там отвечают: "Нет Насти, она умерла". Как умерла??? Когда? Почему? А там спрашивают: "Кто звонит?" Я представился. А мне в ответ такое!... Это ты, сволочь, гадина проклятая, это из-за тебя она... И трубку бросили... Дай ещё зажигалку.

Я понял, что он много лет хотел всё это высказать. Артист закурил ещё одну и продолжил изливать душу.

-Я же не по девочкам, пойми. Да, всякое бывало по молодости, но с малолетками я никогда не связывался. А после того случая вообще к поклонницам не подходил близко, даже автографы перестал давать. В тусовке говорили "завездился", "звездная болезнь" и всякое такое. А я просто не хотел никому повод давать. Ты пойми. Я как услышал, что погибла девочка, вообще как-то всё перевернулось внутри.

Пошел в церковь, свечку поставил. Всё думал о ней. Потом в Госконцерт ездил, на ЦТ. Искал письма её. На телевидении нашли, у них там всё в архивах, не выбрасывают ничего. Поверишь, до сих пор эти письма храню, сам не знаю зачем. Когда тоска накрывает, перечитываю... Женился трижды, разводился, детей нарожал. А забыть Настю эту никак не могу, веришь?

Я верил.

Верил, но руки ему на прощание не подал.

Все дороги ведут в Рим

До приземления в Неаполе оставалось около двух часов. Самолёт гудел ровно и гулко, пассажиры бизнес-класса, укрытые пледами, подрёмывали в кожаных креслах, разморившись после бортового обеда.

Наталья скользила взглядом по облакам, проплывающим под самолётом, пытаясь разглядеть землю. Раскрытая книга лежала у неё на коленях, листы загнулись и смялись, но Наталья этого не замечала. Мыслями она была уже в Каподичино, в зале прилётов, выискивая среди встречающих трогательную мужскую фигуру с букетом цветов. Антонио, Тони, Антоша... При мысли о нём сердце забилося быстрее. Антонио был подарком судьбы, которого, достигнув тридцати лет, она уже, признаться не ждала.

Жизнь давно была спокойной и размеренной. Муж – успешный чиновник, дом – полная чаша, престижная работа в частной клинике; пациенты все сплошь преуспевающие солидные люди. Она относилась к ним с уважением и без заискиваний, а они, незримо ощущая её внутреннюю уверенность и достоинство, относились к ней как к равной. Некоторые пациентки даже стали её приятельницами, приняв в свой круг. Благодаря одной из них, жене главрежа крупнейшего музыкального театра страны, она и познакомилась с Антонио...

Наталья улыбнулась, вспомнив их первую встречу на кулуарном банкете после громкой музыкальной премьеры. Она была одна – во-первых, муж терпеть не мог эти «светские рауты», утверждая, что ему хватает протокольных мероприятий на службе, а во-вторых, он был тогда где-то за границей. Простое, но элегантное чёрное платье оставляло открытыми её красивые руки и подчёркивало стройность фигуры, не испорченной родами. Наталья всё чаще думала о детях, но Бог видно не слышал её молитвы, а муж этой темы категорически избегал...

На приеме был весь музыкальный бомонд Москвы, несколько чиновников от культуры, театральные функционеры, критики, журналисты. Одной из звезд вечера был Антонио Кальдо, известный итальянский виолончелист, блеснувший сегодня своей виртуозной игрой. На вечеринке он казался гораздо более скромным, чем на сцене, где его пальцы вытворяли с виолончелью невероятные вещи, заставляя её издавать пронзительные звуки, от которых ныло внутри, хотелось сорваться с места и мчаться сломя голову туда, где бурлит жизнь, где нет фальши, нет пресных дней и ночей...

Во всяком случае, у Натальи от его музыки было именно такое чувство. Когда она смотрела на знаменитого музыканта с разметавшимися вокруг головы длинными волнистыми волосами и плотно сжатыми глазами и губами, ей казалось, что виолончель, залитая струйками его пота, поёт и стонет только для неё. От лица виолончелиста в момент игры невоз-

можно было оторвать глаз...

И вот этот гениальный музыкант, этот небожитель, как обычный смертный ходит по банкетному залу с бокалом в руке, улыбается, разговаривает с людьми, пожимает руки какому-то деятелям. В какой-то момент их взгляды встретились, и Наталья улыбнулась ему как старому другу – а как иначе, после всего пережитого ею на концерте? Расценив её улыбку как предложение пообщаться, Антонио подошёл к ней.

Они представились друг другу, завязался лёгкий разговор. У виолончелиста оказался прекрасный английский, с мягкой итальянской ноткой и ей было невыразимо приятно слушать этот голос.

– *Скажите, а какое имя Вы дали своей виолончели?* – вдруг спросила Наталья.

Брови итальянца поползли вверх. Удивившись как ребёнок, он спросил в ответ, почему она решила, что у его виолончели есть имя. Наталья пожала плечами.

– *Наверное, мне показалось, извините...*

– *Отчего же... Вы правы, Натали, у неё действительно есть имя... Но я об этом никому ещё не рассказывал.*

Она ждала, что он продолжит фразу чем-то вроде «но для Вас я сделаю исключение» или «но если Вы обещаете хранить это в секрете»... Однако никакого «но» не последовало. Он задумчиво покачивал в пальцах бокал с виски, пауза затягивалась, и Наталья решила, что приличия требуют откланяться и уступить знаменитость другим гостям банкета...

– Извините меня за назойливое любопытство, Антонио, я не претендую на Ваши тайны. Мне достаточно Вашей музыки.

Улыбнувшись, она отошла в сторону.

Они больше не разговаривали, но она весь вечер ощущала на себе его тёплый изучающий взгляд. Ужасно хотелось посмотреть на него в ответ, но она сдерживалась, позволяя себе следить за силуэтом с лохматой верхушкой лишь краем глаза. Не хватало ещё выглядеть восторженной дурочкой-поклонницей! Ближе к концу банкета она не вытерпела и посмотрела на него в упор – и тут же получила ответный заинтересованный взгляд. Поймав её глаза он уже не собирался их отпускать. Пробившись к ней сквозь вязкую массу праздной публики, он сказал, понизив голос:

– Натали, позвольте украсть Вас с этого ивента. Мне кажется, мы уже побыли тут достаточно, чтобы получить «зачёт» от тех, кто устроил праздник. Я всего второй раз в Москве, мой самолёт только завтра днём, давайте где-нибудь поужинаем вместе?

В этот момент она уже знала всё, что будет наперёд. Долгий ужин в дорогом ресторане, несколько рюмок виски в баре на вершине московского небоскрёба, страстная, несправедливо короткая ночь в гостинице и утреннее такси, вызвав которое он прильнёт к ней и прошепчет на ухо: *«Я обязательно позвоню тебе! Пожалуйста оставь мне свой телефон»*.

Так всё и случилось. Голова кружилась, шутки сыпались, взгляды и прикосновения обжигали. Понимая, что гипнотическое очарование этой ночи и пьянящий морок внезапно вспыхнувших эмоций развеются промозглым московским утром, как только они один за другим покинут этот номер, она соврала, что оставила свою визитку на трюмо.

Повернувшись, чтобы уйти, она вдруг поняла, что не может... Что-то в нём было такое, что уже заняло часть её сердца, обосновавшись там всерьёз и надолго.

На секунду замешкавшись на пороге, она стянула с безымянного пальца широкое кольцо с изумрудом, которое досталось ей от бабушки, и вложила ему в ладонь. *«Пожалуйста, думай обо мне иногда»*, – прошептала ему на ухо на прощанье и растворилась в неоновом прямоугольнике лифта...

В следующий раз они увиделись только через полгода. В Венской опере накануне католического рождества. Муж отпустил её с подругой в Европу на «новогодний шопинг» и они на неделю отправились в Вену, где буквально в первый же вечер она увидела знакомое лицо с круглыми, будто

удивленными глазами. Губы были чуть тронуты улыбкой, а запомнившийся ей волнистый водопад волос сменила короткая стрижка, с которой он смотрелся строго и по-деловому.

«Всего два концерта в музыкальном сердце Европы, – гласила афиша, – Концерт для виолончели с оркестром, солист Антонио Кальди (Италия)». Наталья нетерпеливо читала афишу, а её сердце замирало на точках и запятых.

Она уговорила подругу пойти в оперу, мечтая снова увидеть его. Хорошие места были давно раскуплены, но в гостинице им помогли раздобыть два билета на балкон.

Взяв в гардеробе миниатюрный театральный бинокль, Наталья с замиранием сердца заняла своё место, вполуха слушая щебетанье подруги. Это было второе выступление маэстро, возможно уже завтра он возвращается в свою Италию. Но какое это имеет значение?

Он сидел на стуле спиной к оркестру и ждал, когда вступят скрипки. Взгляд его был сосредоточен и обращён в себя; в этот момент ему было не до публики. Чего нельзя было сказать о последней, которая готова была разглядеть каждую складку на его рубашке. Первые ряды щеголяли сверкающими колье и элегантными бабочками. Кое у кого из изысканной публики партера на коленях лежали букеты, ждущие своего часа. Публика, затаив дыхание, ждала мгновения, когда его смычок коснётся струн...

Наталья смотрела на Антонио не отрываясь. Как его рука лежит на грифе виолончели. Как он чуть шевелит губами,

отсчитывая такты... Как изящно и крепко он держит смычок...

«Я чувствую себя по уши влюблённой», – эта мысль воорвалась в неё вместе с первыми звуками виолончели, заговорившей, наконец, в его руках. Наталья то прикрывала глаза, то в упор смотрела на виолончелиста, чувствуя, как его музыка опутывает и обволакивает, вытесняя все мысли и сводя с ума. Даже щебетунья-подруга затихла, поддавшись магии божественных звуков.

Вдруг глаз зафиксировал какую-то крошечную вспышку света. «*Виолончель бликует*», – мелькнула на окраине сознания отстраненная мысль, а руки уже подносили бинокль-игрушку к глазам. Когда взгляд сфокусировался на картинке, и передал её в мозг, быстрее мысли среагировало сердце. Его биение стало стремительно нарастать, как будто какой-то отчаянный звонарь что есть силы раскачивал невидимый колокол внутри. Кровь прилила к лицу, к шее, к груди, стало вдруг невыносимо душно.

Мизинец мировой звезды Антонио Кальди украшало скромное старинное кольцо с прямоугольным изумрудом. И именно он, поблёскивающий в свете софитов изумруд, вдруг подал пьянящую и безрассудную надежду той, которая носила его на своём пальце ещё полгода назад.

В антракте она оставила подругу в буфете и спустилась на первый этаж оперы, где заметила цветочный киоск. Купив скромный букет жёлтых роз, она вырвала листок из блокно-

та и написала неровным от волнения почерком *«Вы так и не сказали мне, как зовут Вашу виолончель. Если Вам надоело хранить эту тайну в одиночку, сегодня вечером её с радостью выслушают в отеле Топаз. Наталия Г-я»*. Листок она свернула пополам и засунула в цветы. Шанс был один на миллион, но её уже было не остановить.

Подружка вытаращила глаза, когда Наталья вернулась с букетом, но списала его на эффект воздействия необыкновенно красивой музыки. *«Вот она сила искусства!»* пошутила она, допивая кофе с коньяком, и громко засмеялась, вызывая зависть окружающих белизной своих зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.